

Время было ещё раннее, солнце лишь начало клониться к закату.

Когда Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу пришли во двор большого дома, остальные родственники уже ждали их некоторое время. Несколько молодых, не умеющих сидеть без дела, засучив рукава помогали разбирать тофу, время от времени поглядывая на ворота. Увидев вошедших, они невольно выпрямились и с ожиданием посмотрели на них.

Во дворе собралось немало людей - мужчины и женщины, старики и молодые. Впервые увидев всю родню семьи Сюн, Нин Гуйчжу незаметно оглядел их и невольно подумал: «какие же они все высокие».

Если не считать одной женщины, которая явно вошла в семью после замужества, все остальные, пусть и уступали в росте братьям Сюн Цзиньпину и Сюн Цзиньчжоу, всё равно были заметно выше большинства людей, которых ему доводилось видеть за последнее время.

Какими бы ни были отношения Сюн Цзиньчжоу с родственниками, сейчас он послушно начал знакомить с ними Нин Гуйчжу:

— Это старший дядя и младшая тётушка. А вон тот - старший брат из семьи двоюродного дяди, рядом с невесткой - младшая сестра из семьи второго двоюродного дяди...

Обойдя всех по кругу, Нин Гуйчжу без труда сопоставил каждого человека с его местом в семье.

— Гуйчжу, садись сюда. Сегодня как раз удачно вышло: Ван-эр купил немного сладостей, я специально отложила тебе подсластить рот, — с широкой улыбкой тётушка сама подошла к нему, взяла под руку и повела к приготовленному месту.

Нин Гуйчжу было непривычно находиться так близко к женщине, но её дружелюбие не позволяло отказать, и он лишь последовал за ней.

Сюн Цзиньчжоу широкими шагами догнал их и как бы невзначай поддержал Нин Гуйчжу за руку.

— Не спешите, идите помедленнее.

Стоило ему приблизиться, как тётушка сразу же немного ослабила хватку. Её муж был человеком с длинным языком, и именно из-за него их сын не раз получал от Сюн Цзиньчжоу взбучку. Хотя тот всегда сдерживал силу и по-настоящему не калечил, после стольких случаев даже ей самой становилось немного не по себе.

Сюн Цзиньчжоу ничуть этому не удивился - он специально подошёл ближе, чтобы ненавязчиво выручить Нин Гуйчжу.

Как только тётушка отпустила его руку, напряжённые мышцы Нин Гуйчжу сразу расслабились. Повернув голову и увидев, что та осталась стоять на месте, он мягко окликнул её:

— Тётушка?

— Иду, иду.

Когда они вошли в главную комнату, Лю Цюхун прогнала туда молодых, помогавших снаружи:

— Чего застыли столбами? Идите, слушайте внимательно. Такие разини - даже если дерьмо раздают, за горячим и то не успеете.

Молодые переглянулись, почесали носы и, шаркая ногами, направились к комнате. Лишь девушка из семьи второго двоюродного дяди, которую Сюн Цзиньчжоу никогда не пугал, вошла без всякого стеснения, придвинула табурет и села рядом с Нин Гуйчжу.

Тот посмотрел на неё и, не говоря ни слова, налил чашку воды.

— Спасибо, старший брат, — сказала Сюн Цаймэн.

— Не за что.

Пока они разговаривали, Сюн Цзиньчжоу незаметно поднялся, обошёл братьев сзади и вдруг спросил:

— Чего мнётесь?

Братья вздрогнули от неожиданности и одним прыжком оказались в комнате. Заметив, что все на них смотрят, они неловко почесали затылки.

Сюн Цзиньчжоу, довольный своей выходкой, бодро вошёл следом. Встретившись взглядом с улыбающимся Нин Гуйчжу, он слегка кашлянул и отвёл глаза, а затем походя пнул стоявшего рядом двоюродного брата:

— Чего стоишь? Тащи табурет и садись к столу. Захочешь пить - сам себе нальёшь. Не вздумай ждать, что кто-нибудь станет тебя обслуживать.

Получивший пинок Сюн Цайван:

«...»

Возмущён, но молчит.

Наблюдая за тем, как братья общаются между собой, Нин Гуйчжу беспомощно произнёс:

— Цзиньчжоу...

Продолжать не пришлось - слова «не будь таким суровым с братьями» так и остались невысказанными, но Сюн Цзиньчжоу прекрасно их понял. Подтащив табурет, он уселся позади Нин Гуйчжу и, наклонившись к нему, тихо сказал:

— Я вовсе не был с ними строг. Это они сами слишком трусливые.

Нин Гуйчжу лишь беспомощно посмотрел на него. Любому было ясно: Сюн Цзиньчжоу просто любил поддурчиться и специально пугал родственников.

Поняв, что оправдаться не удалось, он потёр нос и наконец уgomонился. Как бы нелепо он ни себя вёл, эта небольшая сцена неожиданно пошла всем на пользу - напряжение, возникшее у собравшихся из-за предстоящего обучения ремеслу, заметно спало.

В этот момент с улицы вошёл Сюн Шишань. Поставив на середину стола тарелку жареного арахиса, он прихватил горсть себе и сел позади остальных, явно собираясь тоже послушать.

Нин Гуйчжу давно продумал, что скажет, и теперь спокойно начал:

— Я могу научить вас многим ремёслам. Скажите, что вам больше по душе: готовить различные блюда или освоить ремесло плетения из бамбука, вышивку и другую подобную работу?

— Еду! — нетерпеливо выпалила Сюн Цаймэн. — Когда научусь хорошо готовить, стану поварихой на свадьбах и похоронах. За год тоже можно немало заработать.

Нин Гуйчжу на мгновение растерялся, затем улыбнулся:

— Похоже, ты уже давно всё решила.

Сюн Цаймэн подперла лицо ладонями:

— Это папа для меня придумал. Он сказал, что от вышивки портятся глаза, а в старости потом тяжело жить.

Нин Гуйчжу на мгновение замолчал, затем согласно кивнул:

— Твой папа прав.

В эту эпоху даже сломанная нога была лучше слепоты.

Уточнив желание Сюн Цаймэн, Нин Гуйчжу поднял взгляд на остальных.

Сидевшая рядом тётушка несколько раз посмотрела на сына, но не стала сразу говорить об учёбе, а спросила:

— Чжу-гер, тётушка знает, что ты много читал, поэтому хочет спросить: твой младший брат сейчас ходит с коромыслом и продаёт тофу, тоже немного зарабатывает. Не будет ли невыгодно бросать это и учиться готовить еду?

Нин Гуйчжу задумался на пару мгновений:

— Тётушка, заранее сказать, выгодно это или нет, невозможно.

Способный человек сможет хорошо заработать чем угодно. А если человек не слишком сообразителен и медлителен, то какое бы прекрасное умение ему ни передали, в итоге он сможет лишь изредка готовить для своей семьи.

— Мама, не спрашивай об этом Чжу-гера. Он ведь не знает, как у меня идут продажи с коромыслом, — вмешался Сюн Цайван.

Остановив мать, он повернулся к Нин Гуйчжу:

— Чжу-гер, я человек прямой, поэтому спрошу прямо: есть ли что-нибудь, что можно носить на коромысле и продавать?

— Таких вещей немало, — быстро ответил Нин Гуйчжу. — Выпечка и фруктовое варенье вполне подходят. Если семья готова тратить время на приготовление, прибыль может быть довольно большой.

Тётушка обрадовалась:

— Тогда мы будем учиться этому. Можно?

— Конечно.

Когда с этой стороной разобрались, старший по поколению дядя Сюн тоже определился с ремеслом - приготовлением еды. И не только он: остальные собравшиеся также хотели учиться

готовить. Ничего удивительного - из всех способов заработать именно это быстрее всего приносило результат, к тому же разновидностей было много, и Нин Гуйчжу мог дать достаточно советов.

Не то чтобы они не хотели освоить плетение из бамбука или ткачество, но от первых шагов до настоящего заработка прошло бы слишком много времени. К тому же нужно было долго учиться, прежде чем станет ясно, есть ли вообще способности. Если в конце всё окажется напрасным, обычная семья не сможет позволить себе такие потери.

Нин Гуйчжу уважал их выбор. В эту эпоху любой рецепт мог передаваться из поколения в поколение. Пока они были готовы вкладывать время и силы, огромных денег, возможно, не заработали бы, но улучшить жизнь семьи вполне смогли бы.

— Раз уж вы все определились, тогда поговорим о подробностях.

Нин Гуйчжу продолжил:

— У меня не нужно платить за посвящение в ученики. Когда вы освоите ремесло и начнёте зарабатывать, будете отдавать мне десятую часть прибыли в течение трёх лет. По истечении трёх лет рецепты полностью перейдут к вам. Есть ли у кого-нибудь возражения?

Ещё до того, как Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу пришли, собравшиеся уже успели поговорить с Сюн Цзиньпином и знали, что именно так они сами расплачивались с Нин Гуйчжу за обучение. Поэтому теперь никто не стал возражать. Хотя их срок был на два года длиннее, чем у Сюн Цзиньпина с женой, в нынешние времена найти наставника было непросто, даже имея деньги. А если и удавалось попасть к мастеру, то зачастую приходилось годами ходить в учениках, прежде чем тот соглашался передать хоть крупицу своих знаний. Встретить такого наставника, как Нин Гуйчжу, было настоящей удачей - только человек, которого дверью по голове прищемило, мог бы остаться недовольным.

Убедившись, что никто не против, Нин Гуйчжу продолжил:

— Пока платить за обучение не нужно. Лучше скажите, сколько серебра каждый из вас может выделить на начало своего дела?

...

Все невольно начали теревать руки и заметно занервничали. Один за другим они назвали суммы, которые могли достать. Все они были обычными крестьянами. Лишь благодаря крепкому здоровью и тяжёлому труду им удавалось жить немного лучше других, поэтому свободных денег почти ни у кого не было. Даже самая большая сумма не дотягивала до четырёх лян серебра.

Ненадолго задумавшись, Нин Гуйчжу сказал:

— Нужно ещё учесть первоначальные расходы на торговлю. Дайте мне немного подумать и через несколько дней я скажу вам, что лучше делать.

— Хорошо, Чжу-гер, спасибо, что беспокоишься о нас.

На этом разговор можно было заканчивать. Нин Гуйчжу ещё собирался дома засолить свежее мясо, поэтому поднялся и обратился к сидевшему рядом Сюн Шишаню:

— Отец, дома ещё есть дела. Мы с Цзиньчжоу тогда пойдём.

— Хорошо, — кивнул Сюн Шишань.

Увидев, что супруги собираются уходить, сидевшие за столом тоже поспешно поднялись.

— Второй, возьми это с собой. Ничего особенного, просто отнесите домой и попробуйте.

Тётушка первой сунула Сюн Цзиньчжоу в руки принесённые сладости и полотняный мешочек с продуктами. Следом подошёл старший дядя Сюн и вложил в его вторую руку ещё один мешок.

Нин Гуйчжу на мгновение растерялся и поспешил отказаться:

— У нас дома всё есть, правда, не стоило так тратить.

Старший дядя Сюн покачал головой:

— Возьми. Это всего лишь немного еды. Мы уж набрались смелости и принесли её, так что не отказывайся.

Видя, что они настаивают, Нин Гуйчжу пришлось уступить. Стоявшие неподалёку двоюродные братья, до этого державшиеся тихо, словно перепёлки, тоже подхватили принесённые вещи и подошли ближе. Увидев, что обе руки Сюн Цзиньчжоу уже заняты, они перевели взгляд на Нин Гуйчжу, поколебались пару мгновений и, решив проявить уважение к своему будущему наставнику, сказали:

— Мы проводим вас домой.

Нин Гуйчжу невольно рассмеялся.

Вся компания дошла до их двора. Занеся вещи внутрь, родственники поспешно распрощались и почти бегом ушли.

Сюн Цзиньчжоу усмехнулся:

— Ишь как быстро разбежались.

Нин Гуйчжу беспомощно поднял руку и слегка сжал его за ухо.

— По-моему, это ты слишком часто их пугаешь.

— Тц-тц.

Сюн Цзиньчжоу явно не нравилось, что Нин Гуйчжу вступает за других. Он поставил вещи на землю, крепко обнял фулана и несколько раз потёрся лицом о его шею и плечо, нарочно изображая обиду:

— Ты не знаешь, каким всё было, когда я только вернулся. Они со мной даже разговаривать не хотели - издали увидят и сразу убегают. Ужасно раздражало.

Услышав это, Нин Гуйчжу снова смягчился. Пусть теперь Сюн Цзиньчжоу, похоже, даже получает удовольствие от подобных перепалок, но в самом начале ему наверняка было больно и одиноко.

С сочувствием он обнял его за талию и, легко потеревшись щекой о его грудь, тихо сказал:

— Они такие нехорошие... Значит, надо ещё несколько раз их попугать, чтобы всё вернуть с процентами.

Сюн Цзиньчжоу изо всех сил сдерживал расплывающуюся улыбку и старался сохранить печальный тон:

— Угу.

Высокая каменная ограда скрывала их от чужих взглядов. Нин Гуйчжу слегка пошевелился, высвободился из объятий, взял лицо Сюн Цзиньчжоу в ладони и сам поцеловал его. В глазах Сюн Цзиньчжоу мелькнуло удивление, но уже в следующее мгновение он перехватил инициативу.

От долгого поцелуя дыхание обоих сбилось. Нин Гуйчжу прислонился к нему, как вдруг почувствовал, что ноги оторвались от земли. Сюн Цзиньчжоу легко поднял его на руки, крепко

поддерживая снизу сильными руками, посмотрел ему прямо в глаза и, повернувшись спиной к воротам, вновь накрыл его губы поцелуем.

Нин Гуйчжу вдруг смутно ощутил опасность. К счастью, кое-кто всё же помнил, что у них ещё полно дел. С явной неохотой Сюн Цзиньчжоу прервал поцелуй, задержал взгляд на его ярко раскрасневшихся губах, не удержался и ещё дважды коротко коснулся их, после чего, постепенно выравнивая дыхание, спросил:

— Как будем готовить мясо? Давай я займусь.

Нин Гуйчжу слегка качнул ногами:

— Сначала я обжарю соль, а всё остальное потом сделаешь ты.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу осторожно опустил его на землю.

Нин Гуйчжу подошёл к шкафчику. Стоя спиной к Сюн Цзиньчжоу, он машинально коснулся губ - кажется, они немного припухли. Только бы к завтрашнему выходу из дома всё прошло.

Эта мысль лишь мелькнула в голове, пока он открывал шкаф. Достав корицу и сычуаньский перец, Нин Гуйчжу обернулся и сказал:

— Цзиньчжоу, сходи в погреб и принеси две миски соли.

Соль считалась дорогой вещью, поэтому снаружи держали лишь небольшой запас для повседневной готовки, а остальное хранилось в погребе.

— Хорошо. В овощных мисках? — уточнил Сюн Цзиньчжоу.

— Подойдут.

Сюн Цзиньчжоу спустился в погреб, а Нин Гуйчжу тщательно промыл корицу и сычуаньский перец, отложил их обсохнуть, развёл огонь и полностью выпарил влагу из котла. Из-за мисок в руках Сюн Цзиньчжоу было неудобно подниматься по лестнице, поэтому он дважды окликнул сверху. Нин Гуйчжу поспешил к люку, опустился на одно колено, принял у него миски и поставил их рядом, затем отступил на пару шагов. Теперь ничто не мешало, и Сюн Цзиньчжоу быстро выбрался наверх.

Котёл уже хорошо прогрелся. Нин Гуйчжу высыпал в него соль, добавил промытые корицу и

сычуаньский перец и начал медленно перемешивать всё лопаткой.

Сюн Цзиньчжоу присел у очага, взглянул на огонь и спросил:

— Может, сделать пламя посильнее?

— Не нужно. Если будет слишком сильный огонь, всё подгорит.

— Понял.

Раз здесь усиливать огонь не требовалось, он подбросил пару поленьев в соседнюю печку и, приподняв крышку глиняного горшка, заглянул внутрь. Перед уходом они оставили под ним слабый огонь. Воды в горшке всё ещё оставалось больше половины, она выглядела довольно прозрачной - до того состояния, когда мясо полностью разварится в нежное пюре, было ещё далеко.

Сюн Цзиньчжоу прибавил огонь. По мере обжаривания соль постепенно приобрела лёгкий золотисто-коричневый оттенок, а аромат корицы и сычуаньского перца наполнил кухню, невольно заставляя обращать на себя внимание. Закончив, Нин Гуйчжу велел Сюн Цзиньчжоу убрать огонь, поставил рядом с очагом деревянное ведро, затем достал из шкафчика мясо и принялся нарезать его длинными полосками.

Сюн Цзиньчжоу подошёл ближе:

— Давай я.

— Хорошо, — Нин Гуйчжу провёл пальцем по куску мяса, намечая линии. — Нарезай вот так. Так его будет удобнее коптить.

Сюн Цзиньчжоу кивнул, показывая, что понял, и ножом аккуратно разрезал мясо по намеченным линиям на ровные длинные полосы.

Обычно они ели мясо очень экономно, поэтому из всего запаса использовали лишь небольшую часть, сейчас оставалось ещё около шести-семи цзиней.

Когда все полоски получились одинаковой толщины и размера, Нин Гуйчжу сложил оставшийся небольшой кусок в миску и снова убрал в шкаф - его можно будет приготовить завтра или послезавтра.

Взяв мясо, Нин Гуйчжу зачерпнул из котла пригоршню соли и тщательно, равномерно втер её в каждый кусок. Затем сложил мясо в деревянное ведро, переставил его в прохладное место и плотно закрыл крышкой. На этот раз соли получилось с избытком. Оставшуюся Нин Гуйчжу

пересыпал в миску и убрал в шкаф - пригодится для следующей засолки мяса.

Закончив с мясом, они вымыли котёл и поставили воду греться для вечернего умывания. Едва супруги уселись под навесом, как к ним, покачиваясь на коротких лапках, подошли Саньбао и Сыси. Жалобно мяукая, они явно выпрашивали еду.

Нин Гуйчжу наклонился и потрепал обоих по головкам.

— Вы и правда голодные или только притворяетесь? Разве вас не кормили совсем недавно?

— Мяу-у...

Котята тёрлись о него и жалобно мяукали так трогательно, что сердце невольно смягчалось.

Сюн Цзиньчжоу погладил одного из них по круглому животику.

— Они сытые. Не спеши кормить.

— Угу.

Нин Гуйчжу легонько ткнул пальцем в маленький носик и с улыбкой сказал:

— Маленькие обманщики.

Запах мяса в воздухе становился всё насыщеннее. Котята ещё долго жалобно мяукали, но, так и не дождавшись своей миски, снова отправились исследовать двор. Тем временем собаки, набегавшись после еды, вернулись домой. Радостно гавкнув хозяевам, они сразу помчались к копошившимся у стены котяткам. Восторженно принявшись их вылизывать, они не рассчитали силы и несколько раз так сильно подтолкнули малышей, что те, пошатываясь, едва удержались на лапках.

Сюн Цзиньчжоу поднялся и закрыл ворота. Их специально оставили каменщики. Даже плетёную калитку у заднего выхода не стали разбирать - так было удобнее держать домашних животных во дворе.

После умывания они дождались, пока мясное пюре для котят сварится и остынет, покормили малышей, и только тогда дневные заботы наконец закончились. Заперев окна и двери кухни, супруги, держась за руки, вернулись в спальню.

Ночь вновь прошла среди смятых алых покрывал*

(ПП: образно, в любовных объятиях супругов).

С первыми лучами рассвета в глиняном горшке тихо булькала рисовая каша. Стоя у стола, Нин Гуйчжу разделил подошедшее тесто на небольшие кусочки, расплющивал каждый в ладонях и выкладывал внутрь по две ложки заранее приготовленной начинки из солёных овощей с мясным фаршем.

Солёные овощи оказались среди гостинцев, которые накануне принесли родственники. Нин Гуйчжу не смог определить, что это был за вид солений, но после промывки он мелко их нарубил, и при обжаривании они источали очень приятный аромат. Он добавил немного молотого перца чили и вместе с мясным фаршем хорошенько всё обжарил - начинка получилась на редкость вкусной.

Готовые булочки одна за другой ложились рядом. Пока Нин Гуйчжу продолжал лепить, вернулся Сюн Цзиньчжоу, закончивший ухаживать за домашними животными.

Поставив обоих котят возле тёплого очага, он заглянул в миску с начинкой.

— Как вкусно пахнет. Пойду быстро вымою руки и помогу тебе лепить баоцзы.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу выбежал во двор и вскоре вернулся с чистыми руками. Вместе они быстро налепили баоцзы. Затем налили в котёл воду, установили решётку для варки на пару, застелили её тканью, аккуратно разложили сверху баоцзы и накрыли котёл крышкой.

Пока баоцзы готовились на пару, Нин Гуйчжу помешал ложкой варившуюся в котле белую рисовую кашу и спросил Сюн Цзиньчжоу:

— Осталось немного солений с мясным фаршем. Кашу будем есть с ними или добавить в неё сахара?

Коричневый сахар тоже принесли родственники - всего небольшой кувшинчик. Пусть его было немного, но стоил он недёшево.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Давай сначала доедим соления.

— Хорошо.

Когда баоцзы приготовились, аромат еды поплыл по деревне. Соседи уже привыкли каждый день чувствовать вкусные запахи из их дома. Теперь, вдыхая их за собственной едой и невольно приукрашивая её в воображении, они и ели с большим аппетитом.

Сюн Цзиньчжоу разлил кашу, а Нин Гуйчжу достал баоцзы и поставил на стол начинку. Оба сели. Нин Гуйчжу положил ложку солений с мясным фаршем в кашу, несколько раз перемешал, подул и сделал глоток. Соления были солёными, с насыщенным ароматом квашения и приятно хрустывали. Острота молотого перца и вкус мясного фарша превращали даже самую обычную белую кашу в настоящее лакомство.

О баоцзы и говорить было нечего. При обжаривании начинки масла не пожалели, и во время приготовления оно, пропитавшись ароматом солений и мяса, впиталось в тесто. Мягкий пышный баоцзы с сочной начинкой был настолько вкусным, что остановиться было невозможно. Они ели с таким усердием, что даже не находили времени на разговоры.

Когда оба насытились, осталось ещё шесть баоцзы. Их убрали в шкаф, чтобы съесть в полдень. Прибрав кухню, Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу переглянулись, засучили рукава и приготовились строить коптильню.

— Я схожу одолжу пилу, — сказал Сюн Цзиньчжоу и вышел.

Нин Гуйчжу тем временем отодвинул бамбуковые ветки в сторону, освобождая место для постройки. Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, Нин Гуйчжу взял пилу и принялся обрабатывать бамбук, а его отправил искать подходящую глину, чтобы позже обмазать стены.

Они как раз работали, когда к дому подъехал плотник с повозкой.

— Сюн-фулан, вы дома?

— Дома!

Нин Гуйчжу поспешно отозвался и поднялся из-за груды бамбуковых веток. Увидев плотника, он с улыбкой пригласил:

— Вы пришли. Заходите, сначала выпейте чашку воды.

— Не нужно, — плотник махнул рукой. — Пока прохладно, лучше сразу установлю ворота.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу вышел наружу и уже собирался подойти помочь, когда заметил, что с другой стороны повозки стоит ещё один человек. По возрасту тот, вероятно, был учеником или сыном плотника; засучив рукава, он уже собирался разбирать специально оставленную бамбуковую калитку.

Увидев, что у плотника есть помощник, Нин Гуйчжу остановился, развернулся и пошёл на кухню. Вскоре он вынес кувшин с водой и чашки, поставил их на стол у колодца и сказал обоим, что они могут заходить пить, когда захотят.

В одной местности размеры ворот обычно были стандартными, если хозяева не выдвигали особых требований. Плотник вместе с сыном разобрал прежнюю бамбуковую калитку и оставшуюся часть изгороди, затем сверился с проёмом, который оставили каменщики, и принялся подгонять деревянные ворота рубанком, устанавливая их на место.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся, ворота переднего двора уже были наполовину установлены. Он поздоровался с мастерами, вошёл во двор и спросил Нин Гуйчжу:

— Ты пригласил их зайти выпить воды?

Нин Гуйчжу покачал головой:

— Старый мастер сказал, что хочет воспользоваться прохладой и сначала закончить работу.

Сюн Цзиньчжоу кивнул и больше ничего не сказал. Он высыпал принесённую глину на свободный участок, засучил рукава и вместе с Нин Гуйчжу продолжил разбирать бамбук, решив заняться глиной после того, как плотник закончит с воротами.

Увидев, что начальник стражи остался дома, плотник заметно расслабился и перестал сдерживать сына. Раньше, когда Нин Гуйчжу приглашал их войти, он вовсе не собирался немедленно приступить к работе. Просто дома находился один молодой гер, а стены были высокими, поэтому входить без нужды казалось неподобающим.

Пока они устанавливали ворота, пришёл и кровельщик с помощниками. Сюн Цзиньчжоу позвал всех вместе зайти выпить воды. Немного передохнув, обе артели без промедления снова взялись за работу. У ворот и на верхушке стены кипела работа, а во дворе Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу уже подготовили бамбуковые планки и начали строить коптильню.

Увидев это, кровельщик между делом спросил:

— Сюн-батю, что вы там строите?

— Коптильню, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — Дома негде коптить мясо, вот и решили сделать здесь. Так потом будет удобнее.

В окрестных деревнях мясо обычно коптили зимой, просто подвешивая его на кухне, пока топилась печь. Отдельную коптильню кровельщик видел впервые. Однако именно он крыл дом Сюн Цзиньчжоу и прекрасно знал, что на их кухне нет даже очага, а крыша полностью закрыта. По сравнению с переделкой всей кухни гораздо проще было построить отдельную коптильню.

Поэтому он спросил:

— Тогда, может, я потом и коптильню черепицей накрою?

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу посмотрел на Нин Гуйчжу.

Тот спросил:

— Во сколько это обойдётся?

Кровельщик примерно прикинул размеры будущей постройки и ответил:

— Если после вашего заказа останется лишняя черепица, то это попутная работа - двадцать вэней хватит. А если не останется, тогда придётся докупить ещё немного черепицы.

Цена была совсем небольшой, и Нин Гуйчжу кивнул:

— Тогда заранее спасибо, побеспокоим вас ещё раз.

Получив новый заказ, кровельщик широко улыбнулся:

— Да какое там беспокойство, пустяки.

<http://bllate.org/book/14958/1736901>